

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Когда 21 октября 1917 года товарищ Анда принесла мне мандат от Военно-революционного комитета Петроградского Совета, в котором значилось, что я назначаюсь комиссаром своего запасного огнемётно-химического батальона, я понял, что мы входим в полосу вооруженного восстания. До сих пор проводниками нашего влияния в полках были исключительно партийные большевистские коллективы. Институтом комиссаров Петроградский Совет хотел уже не только идейно, но и организационно подчинить себе все полки петроградского гарнизона, вырвав их из-под власти контрреволюционного штаба Петроградского военного округа.

Получив мандат, я прежде всего отправился к солдатам сообщить им о моем назначении и дать в качестве комиссара первые необходимые указания. По всем ротам я собрал общие собрания солдат и, сделав небольшой доклад по текущему моменту, объяснил смысл и цель моего назначения. Я указал на то, что контрреволюция, группирующаяся вокруг Временного правительства, в настоящее время мобилизует свои силы и поэтому Петроградский Совет, более чем когда бы то ни было, нуждается в поддержке выбравших его рабоче-крестьянских масс. «Положение чрезвычайно острое, — говорил я. — Вопрос может встать так: *или* Временное правительство, *или* Совет рабочих и солдатских депутатов. Поэтому полки петроградского гарнизона должны быть готовы каждую минуту выступить с оружием в руках в защиту своего выборного органа».

Солдаты дружными аплодисментами приветствовали мои слова, и, когда я в заключение заявил, что отныне ни одно распоряжение командира батальона не может быть исполнено солдатами без моего подтверждения, все единодушно обещали принимать распоряжения только от меня. Настроение солдат было вполне сознательное и революционное. Помню, в одной роте, когда я закончил свое сообщение, у кого-то из солдат вырвался искренний радостный возглас: «Давно бы пора так!»

Предупредив, таким образом, все роты и чувствуя за собой поддержку солдат, я решил поставить в известность о моем назначении и самого командира батальона. Для этого я, не теряя времени, направился в штаб батальона, помещавшийся отдельно от

казарм, в которых жили солдаты. Командира батальона гвардии полковника Мартюшова в своем кабинете не было, и принял меня его помощник поручик Надеждин.

Заслушав мое сообщение и прочтя мой мандат, он поднял на меня свои холодные стальные глаза и бесстрастным голосом ответил: «Мы принимаем распоряжения и назначения только от штаба Петроградского военного округа. Вы, как офицер, должны были бы это знать». Я вспыхнул: «Хорошо,— сказал я,— попробуйте действовать помимо меня, но только помните, что ни одно ваше распоряжение без моей заверки не будет выполнено солдатами». Глаза поручика Надеждина на мгновение блеснули злобой, но он овладел собой и, пожав плечами, сказал: «Хорошо, я передам ваши слова командиру, но только помните, что вы играете в опасную игру». Я ничего не ответил, поклонился и вышел из комнаты. Мне нужно было спешить в Смольный, где от Николая Ильича Подвойского я должен был получить дальнейшие инструкции. Быстро на трамвае доехал я до Смольного и почти бегом поднялся на третий этаж, где в небольших комнатках раньше ютилась военная секция Петроградского Совета, а теперь помещался Военно-революционный комитет.

Здесь все волновалось и кипело. Поминутно приходили и уходили люди, получавшие те или иные распоряжения. Почти в самых дверях столкнулся я с нашим военно-партийным работником подпоручиком Пулеметного полка Тарасовым-Родионовым. Он вместе со мной прошел в ту комнатку, где сидели члены Военно-революционного комитета, и здесь поведал свою чрезвычайно любопытную историю. Оказывается, штаб Петроградского военного округа для собственной самообороны решил разместить на крыше пулеметный отряд и командование этим отрядом поручил... подпоручику Тарасову-Родионову. Конечно, это было сделано в полном неведении того, что Тарасов-Родионов является партийным большевиком и притом активным работником. Получалась любопытная картина — большевик, охраняющий штаб Петроградского военного округа от большевиков. Тарасов-Родионов пришел сейчас в Военно-революционный комитет спросить инструкции, как ему быть: отказаться ли от этого назначения или принять его, с тем чтобы использовать свое положение в интересах Военно-революционного комитета. Насколько мне помнится, решение Военно-революционного комитета было принято в духе этого последнего предложения. Тарасову-Родионову была дана инструкция сформировать пулеметный отряд из наиболее надежных большевиков, с тем чтобы в нужный момент ударить войскам Временного правительства в тыл.

Прослушав с большим интересом обсуждение этой инструкции, я отправился в другую комнату разыскивать нужного мне Николая Ильича Подвойского. Подвойского я застал разговаривающим с каким-то неизвестным мне подпоручиком. «А! Вот вы очень кстати! — обрадовался Подвойский, увидев меня.— Поез-

жайте-ка вы в Гренадерский полк, там у нас до сих пор нет комиссара». — «Но ведь я, Николай Ильич, только что получил назначение комиссаром в свой запасный огнеметно-химический батальон», — напомнил я ему. «Ничего, вы будете совмещать, — ответил мне Подвойский, — ведь обе эти части расположены на Петроградской стороне и не так далеко одна от другой. Имейте в виду, что это назначение весьма ответственное. Гренадерский полк принимал активное участие в июльских событиях, за это подвергся репрессиям со стороны Временного правительства, и теперь настроение в нем довольно упадочное. Между тем для нас весьма существенно держать этот полк в своих руках». Разговаривавший до меня с Подвойским офицер сейчас же представился мне подпоручиком Гренадерского полка Никоновым и также стал убеждать меня принять это назначение. «Я сам бы мог быть комиссаром своего полка, — заявил он мне между прочим, — так как я тоже большевик, но мне это не так удобно, так как большевиком я сделался недавно, а до июльских дней был противником большевизма, и все в полку это прекрасно знают».

Я не возражал против этого нового назначения, и через несколько минут Подвойский вручил мне в руки следующий мандат:

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ
КОМИТЕТ
ПЕТРОГРАДСКОГО
СОВЕТА
РАБОЧИХ
И СОЛДАТСКИХ
ДЕПУТАТОВ
ВОЕННЫЙ ОТДЕЛ

22 окт. 1917 г.

№ 1109

Удостоверение

Товарищ прапорщик *Ильин* делегируется комиссаром от Военно-Революционного Комитета при Петроградском Совете Рабочих и Солдатских депутатов в Гв. Гренадерский полк

Председатель *Б.¹ Лазимир*
За секретаря *Н. Подвойский*

Получив от Подвойского необходимые инструкции и обещав поддерживать с ним постоянную телефонную связь, я в сопровождении подпоручика Никонова отправился в запасный гвардии Гренадерский полк вступать в исполнение своих новых обязанностей.

В Гренадерском полку я встретил довольно своеобразную и любопытную картину. Прежде всего, я установил, что командир полка, фамилии которого я, к сожалению, не помню, не пользуется абсолютно никакой властью и всеми делами заправляет полковой комитет, состоящий почти поголовно из левых эсеров. Партия левых эсеров тогда еще только образовывалась и представляла собой хотя и дружественную нам, но чрезвычайно «болотистую» организацию. Так было и здесь. Члены полкового комитета встретили меня довольно любезно и на экстренно созванном собрании комитета единогласно утвердили меня в моих правах, но за всем этим чувствовалась какая-то недоговоренность, и я понимал, что

¹ В инициалах подписавших опечатка; должно быть: *П. Лазимир. Ред.*

на этих «друзей» особенно полагаться не следует. Друзьями они являются только до поры до времени.

Совсем иное отношение встретил я со стороны общего собрания солдат, которое я сейчас же созвал вслед за утверждением меня комитетом полка. Здесь я сделал большой доклад о настоящем политическом моменте и с первых же своих слов почувствовал нити доверия, которые протянулись между мной и слушавшей меня аудиторией. Доклад мой часто прерывался возгласами «Правильно!», а когда я закончил и предложил резолюцию с выражением готовности встать, как один, на защиту Петроградского Совета, за мою резолюцию поднялся лес мозолистых солдатских рук.

Убедившись, что со стороны солдат Гренадерского полка я встречу полную поддержку своим мероприятиям, я направился в запасный огнеметно-химический батальон сообщить о своем новом назначении. Дорогой я обдумал свое положение и решил, что мне целесообразнее всего обосноваться в Гренадерском полку, как имеющем наибольшее боевое значение, а с запасным огнеметно-химическим батальоном поддерживать, главным образом, телефонную связь и лишь изредка наведываться в него. Придя в батальон, я прежде всего устроил небольшое заседание с руководителями большевистской ячейки и информировал их о политическом положении и о своих ближайших предположениях. Товарищи приветствовали мое назначение в Гренадерский полк, считая контакт с такой крупной воинской единицей для нашего батальона, слабого по численности и вооружению, весьма полезным. Также одобрили они мое намерение обосноваться в Гренадерском полку и нашли нужным поставить перед батальонным комитетом вопрос о выделении специальной революционной тройки, которая являлась бы как бы моим заместителем во время моего отсутствия в батальоне. Договорившись таким образом с товарищами, я вернулся в свой Гренадерский полк.

Вместе с подпоручиком Никоновым мы решили никуда не отлучаться из полка и расположились в помещении пулеметной команды, где оказалась пара свободных кроватей. Перед тем как ложиться спать, мы обошли все казармы, для того чтобы я мог ближе познакомиться с солдатами и узнать их настроение. В одном месте по просьбе солдат мы сделали даже нечто вроде небольшого митинга, рассказав солдатам, как работает и к чему стремится партия большевиков. Солдаты всюду дружелюбно и ласково нас встречали. Я еще раз почувствовал, что могу быть совершенно за них спокоен. Правда, они не рвались к бою, но зато можно было с уверенностью сказать, что в случае чего они поддержат нас всей своей компактной, сплоченной массой.

Ложась спать, мы не рискнули совсем раздеться и сняли только сапоги, готовые по первой тревоге вскочить на ноги.

На другой день рано утром я позвонил по телефону Подвойскому, чтобы узнать, как обстоят дела и нет ли каких-либо

новых инструкций. Подвойский сообщил, что момент открытого столкновения с Временным правительством приближается. Временное правительство пытается сконцентрировать вокруг себя преданные ему части и, несомненно, сделает попытку разогнать Петроградский Совет. Поэтому нужно быть все время начеку и в полной боевой готовности. Узнав об этом, я немедленно переслал в запасный огнеметно-химический батальон следующее распоряжение:

«В Батальонный и во все ротные комитеты. Петроградский Совет в опасности. Предлагаю произвести точный расчет поротно всех способных выступить на защиту Петроградского Совета. Комиссар Зап. Огнеметно-химического батальона

Прапорщик Ильин».

В ответ на это распоряжение я получил следующее отношение, которое до сих пор хранится у меня в моем архиве:

«т. Комиссару

Из запасного Огнеметно-химического батальона

По постановлению батальонного комитета выбран временный центральный орган из трех лиц. Вошли: Ермаков, Рогаткин и Чижевский, и мы теперь уже [сконструировались]. Оружие у нас в порядке. Количество людей — 400 человек налицо. Ваше приказание будет исполнено. Пока все. Что будет, известно.

Дежурный член Ермаков».

Такого же рода распоряжение дал я и в Гренадерском полку, причем выяснил, что по спискам полка в нем значится 1900 солдат, но из них 600 нестроевых, а 300 занято караулами, так что в нужный момент полк выставит всего около тысячи штыков. Все же и это была довольно внушительная военная сила. Благополучно обстоит вопрос и с вооружением. Винтовок и патронов к ним было вполне достаточно. На всякий случай я записал в свою записную книжку точные цифры имеющегося в моем распоряжении оружия.

Едва я кончил все эти учетные дела, как ко мне прибежал солдат и сообщил, что Временное правительство разводит мосты. Я вскочил на ноги. Мне невольно вспомнились июльские дни, когда Временное правительство именно с того и начало свой поход против нас, что развело мосты. Разведение мостов мне представилось как бы первым шагом попытки к нашему разгрому со стороны Временного правительства. Неужели Временное правительство опять одержит над нами верх? Нет, теперь уже соотношение сил не то. Весь петроградский гарнизон, как один, за нас. Нужно только нам самим быть решительнее. И в первую очередь мы никоим образом не должны допускать разведения мостов. Я немедленно вызвал несколько человек солдат, сформировал из них два патруля и послал один к Гренадерскому, другой к Сампсониевскому мосту с твердой директивой во что бы то ни стало свести мосты. «Если будет оказано сопротивление, действуйте оружием», — сказал я им на прощание.

Через несколько минут один из патрулей вернулся, таща какие-то тяжелые железные предметы. «Товарищ комиссар, — доложил мне старший, — мы свели мост, а чтоб надежнее было, забрали ключи, которыми сводится и разводится мост. Теперь уже его никак нельзя развести». За патрульными, крихтя и ругаясь, тащился старик — сторож моста, недовольный тем, что солдаты забрали имущество, вверенное его охране. «Ничего, дедушка, не беспокойся, — утешил я его, — ключи у нас будут в полной сохранности. Вот мы их здесь положим, в полковом комитете, а дня через два-три, когда все успокоится, вернем тебе обратно». — «Да я ничего... Уж ладно...» — проворчал себе под нос старик и, взглянув еще раз на ключи, повернулся к выходу. Такое же распоряжение о присылке в полковой комитет ключей для разводки моста дал я и другому моему патрулю. Скоро весь угол комнаты, где помещался полковой комитет, был завален тяжелыми ключами.

Едва я покончил с этим делом, как меня попросили к телефону. Говорил Подвойский. «Что, у вас разводятся мосты?» — спросил он. Я рассказал ему подробно, как было дело, и сообщил о сделанных мной распоряжениях. «Прекрасно, — ответил Подвойский, — ни в коем случае не допускайте разводки мостов. Такая же директива дана всем полкам. Каждый мост мы поручили охране близрасположенного полка. В этом отношении на обязанности Гренадерского полка лежит охрана Сампсониевского и Гренадерского мостов. Троицкий мост охраняет Петропавловская крепость, а охрану Тучкова моста мы возлагаем на запасный огнеметно-химический батальон». Выслушав Подвойского, я немедленно дал распоряжение в запасный огнеметно-химический батальон взять под свое наблюдение Тучков мост и ни в коем случае не допускать его разводки.

Эпизод с мостами интересен и характерен тем, что здесь мы впервые выступили как власть, противопоставляющая себя Временному правительству. Временное правительство дало распоряжение, а мы самочинно, опираясь на вооруженную силу, отменили это распоряжение и настояли на своем. Этим шагом мы уже непосредственно вступали в борьбу с Временным правительством. Теперь можно было ожидать с его стороны ответного выпада. Вполне вероятно, что оно попытается двинуть против нас те части, которые еще остались ему верными. На всякий случай я решил взять под свое наблюдение Петроградскую сторону и разослал по всем близлежащим к полку улицам патрули с обязательством немедленно сообщить мне, если они обнаружат что-нибудь подозрительное.

Сообщения, которые я получал со всех сторон, вполне подтверждали мои опасения. Временное правительство действительно собирало вокруг себя верные ему части. Таковыми в первую очередь являлись военные училища. Нужно было во что бы то ни стало помешать ему в его планах. Необходимо было воспрепятствовать концентрации войск у штаба Петроградского военного округа. Передо мной в этом отношении ставилась совершенно опреде-

ленная и ясная задача: взять под свое наблюдение Павловское и Владимирское военные училища, которые находились как раз между запасным огнеметно-химическим батальоном и Гренадерским полком. Главную задачу наблюдения я возложил на огнеметно-химический батальон, как ближе к ним расположенный.

Наблюдение за Павловским военным училищем облегчалось тем обстоятельством, что в стенах училища кроме юнкеров находилась обслуживающая училище команда солдат, очень небольшая по численности, но в высшей степени революционно настроенная. С этой-то командой я в первую очередь и установил самую тесную связь, позволявшую мне знать все, что делалось в стенах училища.

Вечером 23 октября ко мне в Гренадерский полк прибежал запыхавшийся солдат этой команды и в волнении сообщил, что Павловское военное училище получило приказ от Временного правительства явиться в полном составе на Дворцовую площадь и юнкера собираются выступить.

Я решил немедленно обследовать положение на месте и, взяв с собой двух членов полкового комитета, прапорщика Гана и еще одного товарища-солдата (оба левые эсеры), поехал в Павловское военное училище.

Подъезжая к училищу, я увидел группы солдат, вооруженных с ног до головы. В одном месте, прямо на мостовой, посередине улицы, стоял пулемет. В темноте осеннего вечера, освещенной лишь яркими газовыми фонарями, картина эта казалась странной и жуткой.

При ближайшем рассмотрении солдаты эти оказались моими химиками. Они радостно приветствовали меня и заявили, что стоят на страже у Павловского училища, готовые принять с ним бой в случае, если юнкера вздумают выступить на поддержку Временного правительства. Лица их сияли отвагой и воодушевлением.

Разговор с химиками сильно поднял мое настроение. Меня порадовало их революционное чутье и инициатива. Ведь фактически я предписал им только вести наблюдение за военными училищами. О намерении Павловского военного училища я сам лишь только что узнал и никакого распоряжения химикам сделать не успел. Тем не менее они сами поняли, что им нужно делать, и небольшими силами геройски обложили училище, готовые умереть на своем революционном посту.

С такими солдатами можно было ничего не бояться!

Я простился с химиками и направился в Павловское военное училище. В помещении команды солдат училища я застал большое волнение. Маленькая комнатка, ярко освещенная небольшой электрической лампочкой, спускавшейся с потолка, была битком набита солдатами, шумно разговаривающими между собой. Председатель комитета с умным и энергичным лицом немедленно ввел меня в курс событий, происходивших в данный момент в училище. Оказывается, получив приказ Временного правительства прибыть

на Дворцовую площадь, юнкера собрались уже выступить, но команда солдат училища категорически заявила, что она не допустит выступления и с оружием в руках будет ему противодействовать. Совместно с отрядами Красной гвардии фабрики «Дукат» и химиками они оцепили училище, расставили пулеметы так, чтобы все входы и выходы были под пулеметным обстрелом, и приготовились, несмотря на свою малочисленность, оказать героическое сопротивление выступлению юнкеров. Председатель комитета показал мне набросанную на клочке бумаги маленькую дислокацию расположения отрядов с указанием, где находятся пулеметы. Все было разумно и носило характер организованности. На лицах же руководителей этой небольшой кучки смельчаков, противостоявших целому военному училищу, я читал решимость и отвагу. «Юнкеров выступить мы не допустим,— горячо заявил мне председатель комитета солдат,— скорей согласимся лечь все до одного!» Я обещал ему всемерную поддержку как химиков, так и гренадер.

Узнав, что сейчас как раз происходит заседание училищного комитета, на котором обсуждается вопрос — выступать или не выступать, я немедленно поспешил туда вместе с сопровождавшими меня товарищами. Наше появление в зале, где заседал училищный комитет, вызвало в собрании некоторое движение. Все с удивлением оглядывали нас, не зная, кто мы и зачем сюда пришли. В это время держал слово специально делегированный на это собрание член доживавшего свои последние дни меньшевистского Центрального Исполнительного Комитета Советов, какой-то офицер. Он сперва настаивал на немедленном выполнении приказа Временного правительства; но потом, видя, что собрание далеко не единодушно поддерживает его, предложил «согласительную» резолюцию, смысл которой был таков — комитет Павловского военного училища считает нежелательным в данной обстановке выступление юнкеров на улицу, но если Временное правительство настаивает и даст вторично приказ о выступлении, то Павловское училище немедленно его выполнит.

Когда он окончил, я попросил слова. Председатель собрания, осведомившись и узнав, что я являюсь представителем Гренадерского полка, нашел необходимым запросить прежде собрание о согласии предоставить мне слово. Таковое согласие было дано.

Я сильно волновался, так как знал, что если мне не удастся убедить их словами, то придется в буквальном смысле слова вступить с ними в бой. Об этом я прямо и открыто заявил им с первых же своих слов. Я сказал, что если над нами сейчас висит опасность гражданской войны, то их выступление положит тому первый шаг. Гренадерский полк наготове. Мы не можем допустить выступления юнкеров на улицу, и мы этого не допустим.

Товарищи мои по Гренадерскому полку выступили после меня. Они указывали на то, что если весь петроградский гарнизон принял определенное решение не выступать на улицу по распоряжению

Временного правительства, то выступление юнкеров будет шагом нетоварищеским, дезорганизирующим, ставящим юнкеров в особое положение по отношению к остальным частям.

После нашего выступления вопрос почти немедленно был поставлен на голосование, результаты которого весьма характерно показали колебание и нерешительность юнкеров. Человека три было за выступление, человек пять против и человек 18 воздержавшихся. Пробовали было переголосовать, но результат получился приблизительно такой же. Тогда постановили считать результат голосования окончательным.

Закрывая собрание, председатель предложил приветствовать товарищей гренадер от имени Павловского военного училища. Жидкие аплодисменты были ему ответом.

Уезжая, я посоветовал команде солдат училища и впредь держать связь с близрасположенным от нее запасным огнеметно-химическим батальоном, а комитету последнего поручил держать училище под постоянным наблюдением и быть готовым всегда оказать команде солдат нужное содействие. Связь эта продолжалась и еще сыграла свою роль в последующих событиях.

В дни Октября. Воспоминания участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Л., 1982, с. 142—152